

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Сам себе помогай

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Сам себе помогай / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 244 с.

ISBN 978-5-519-99166-7

ISBN 978-5-519-99166-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

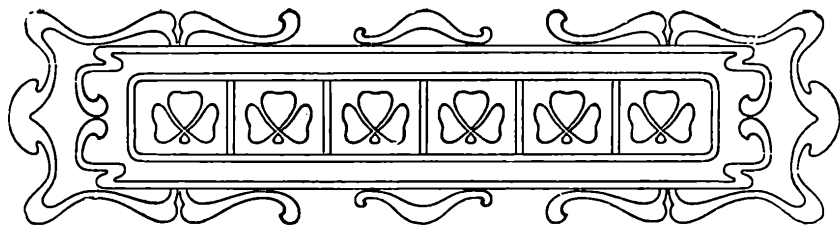
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Посвящается

Еленѣ Николаевнѣ

Пихомировой.

I. Куцый въ углу.

Куцый проснулся чуть свѣтъ. Золотая полоска рождавагося дня едва намѣтилась за окномъ. Песъ лѣниво открылъ одинъ глазъ и взглянулъ туда. Вѣтка сирени билась въ стекло, — значить, было вѣтрено. Пѣтухи давно перекликались по всей деревнѣ. Сюда доносилось даже съ погоста, чуть не за версту, пѣніе самыхъ дальнихъ. Собака встала, потянулась, подошла лѣниво къ постели, на которой спалъ ея хозяинъ, и положила большую, мохнатую морду на одѣло. Если бы перевести на человѣческій языкъ ея мысли, — отъ нихъ не поздоровилось бы крупному, пухлому, нѣскольکو блѣдному мальчику.

Вдругъ неожиданно самъ для себя песъ гавкнулъ во всю пасть.

Мальчикъ испуганно вскочилъ, протеръ глаза, взглянулъ въ окно, — еще рано. Куцый отступилъ на шагъ и, какъ собака, хорошо понимающая правила большого свѣта, вѣжливо пролаялъ: «здравія желаемъ!» И даже морду протянулъ для отвѣтной ласки. Но мальчикъ вдругъ наклонился, схватилъ сапогъ и такъ швырнулъ имъ въ Куцаго, что тотъ мгновенно оказался въ углу, на своемъ мѣстѣ.

— Я тебѣ дамъ!.. Чуть свѣтъ будишь. Дрянъ ты этакая.

Куцый въ знакъ примиренія постучалъ короткимъ хвостомъ о полъ.

— Нечего лисить, поганая морда.

— Да, да! Завтра вотъ тебя на всю ночь выгошю. Спи па дворѣ.

— Теперь какъ я засну опять?.. Сколько проворочаюсь въ постели. Куроцапъ ты этакій!

У пса даже носъ сморщился отъ негодованія:

— Нечего носъ морщить... Служить! Въ углу служить!

Куцый даже себя самому не повѣрилъ. Какъ, его, какъ щенка какого-нибудь, поставить въ уголъ?.. Невозможно. Онъ даже морду отвернулъ и лежа зажалъ ее между лапами.

— Куцый!.. Слышишь?—служить!

И мальчикъ приподнялся...

Песъ горестно простопалъ, но, замѣтивъ, что хозяинъ собирается уже спустить ногу на полъ, вскочилъ горошкомъ и сталъ въ уголъ.

— На заднія лапы, бестія... Ну! По всей формѣ.

— Нечего чихать! Чихни еще,—такъ я тебя палку въ лапы дамъ.

Куцый мгновенно подобрался. Этого онъ терпѣть не могъ.

— И стой такъ, пока я спать буду. Если проснусь да застаю тебя на попонкѣ, увидишь, что я съ тобой сдѣлаю. На недѣлю безъ сахара...

При одномъ словѣ: сахаръ — слюна прошибла Куцаго. Онъ повелъ лапками на вѣсу и ушами тряпнулъ.

— То-то... Посмѣй съестъ.

Мальчикъ зажмурился-зажмурился еще въ окно, потомъ быстро обернулся носомъ къ стѣнѣ и, хотя за минуту сомнѣвался, заснетъ ли онъ еще,—вдругъ задышалъ ровно-ровно... Точно его потянуло на какое-то дно.

Куцый прислушался. Такъ дынуть только спящіе. Ишь, во снѣ даже вздрогнулъ. Собака тихо опустилась и, наклонивъ голову на бокъ, подняла одно ухо парусомъ, прислушалась.

Лапы его сами собою подогнулись. Онъ легъ, положилъ голову между ними, носомъ къ изголовью хозяина. Хотя пса и клонило ко сну, но онъ все-таки въ полглаза смотрѣлъ туда, на всякій случай. Да, такъ-то шкура цѣлѣй будетъ. И въ помощь глазу служило также и ухо. Онъ такъ и поднялъ его, точно ладонь приставилъ. Чуть шорохъ, оно сейчасъ доложить... Сколько времени прошло такъ? Онъ соснулъ и недурно, потому что когда очнулся, то оказалось, что спитъ посреди комматы и въ совсѣмъ неприличномъ положеніи—всѣми четырьмя лапами вверхъ, а въ дверь стучать, да какъ еще. Куцый схватился, и когда мальчикъ, разбуженный стукомъ, открылъ глаза, песъ уже служилъ,

только опустивъ морду, точно онъ страсть какъ усталъ. Увидѣвъ хозяйскій взглядъ, онъ перебралъ лапами, но слабо-слабо.

— Кто тамъ?—крикнулъ мальчикъ.

— Барыня приказали разбудить. Онѣ сейчасъ уже одѣты. Сойдутъ чай пить и сказываютъ, надо ѣхать дядюшку встрѣчать.

— Кушъ!

Куцому нечего было повторять этого. Онъ не сѣлъ, а упалъ.

Но все это было напрасно. Мальчикъ на это не обратилъ вниманія, а только жмурился въ окно... Онъ опять уже сталъ смыкать глаза, какъ дверь отворилась, и вошла высокая, стройная дама...

— Саша, тебѣ не стыдно...

— Здравствуй, мама. А что?

— Да ты очнись... Посмотри: который часъ.

Солнце уже заливало старый садъ несравненнымъ, золотымъ свѣтомъ... Сквозь деревья видно было синее-синее, свитое небо... Даже сквозь запертыя окна слышалось пѣніе птицъ радостное, веселое.

— Вѣдь, ѣхать пора. Ей Богу, я не знаю, что дѣлать съ твоей лѣнью. Посмотри, ты и при мнѣ лежишь...

— Мама, во-первыхъ, не такая ужъ надобность всѣмъ ѣхать за дядей.

— Какъ! Это единственный родной, оставшійся у насъ. Любимый братъ твоего покойпаго отца. Сколько онъ страдалъ и мучился. Къ нему всѣ относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Наши знакомые ждутъ, не дождутся взглянуть на него. А тебѣ пѣтъ надобности, лишь бы въ постели нѣжиться. Отецъ, умирая, поручилъ тебя ему. Ты помнишь, что онъ сказалъ: одинъ братъ сдѣластъ изъ тебя человѣка... Я вѣдь не могу, я больная... Да и слишкомъ слаба съ тобою. Я только порчу тебя.

— И потомъ, почему же никто не пришелъ помочь мнѣ одѣться?

— Саша, Саша! Вѣдь, тебѣ завтра тринадцать лѣтъ.

— У насъ много лакеевъ. И всѣ дармоѣды. Ничего не дѣлають. Ты ихъ распустила, мама. Долженъ же кто-нибудь придти, подать мнѣ платье...

— А самъ ты не можешь взять?

— Да мы ихъ, мама, даромъ держимъ, что ли? Вѣдь, они скоро всѣ отъ жиру перелопачуются.

Мать, глядя на него, качала головою.

— Посмотри, Саша, на что ты похожъ! У тебя ни румянца, ни бодрости. Другіе мальчики въ твои годы—вѣчно на ногахъ. Бѣгаютъ, гребутъ, верхами ѣздятъ. А ты неподвижный какой-то. Все у насъ есть, а ты ничѣмъ не пользуешься. Вчера я тебя послала за работами присмотрѣть, а ты гдѣ былъ?

— Мама, да, вѣдь, для этого у насъ управляющій, приказчики!

— А ты, ты?

— Что же тутъ интереснаго, какъ простыя, грязныя бабы въ полѣ работаютъ? И потомъ онѣ потеютъ, отъ нихъ пахнетъ.

— Богъ знаетъ что, Саша, вѣдь, работаютъ-то онѣ для насъ, для тебя.

— Не даромъ! Мы имъ деньги за это платимъ. Если бы не мы,—онѣ бы всѣ здѣсь подохли. Куда жъ имъ, кромѣ насъ, дѣваться?

— Подохли... Саша, вѣдь, это такіе же люди, какъ и мы!

— Ну ужъ такіе же! Ты, впрочемъ, это изъ книжекъ...—Саша засмѣялся.—Знаешь, мама, какая ты смѣшная. Такіе же, какъ и мы! Вѣдь и Кокинъ мнѣ братъ по Христу... Только я его такимъ не считаю. Ты вѣдь тоже съ Глашкой своей не цѣлуешься. А по твоему она сестра тебѣ.

И Саша расхохотался.

— Что мнѣ съ тобой дѣлать! Только Богъ знаетъ, какъ ты растешь, и что изъ тебя выйдетъ. У меня по ночамъ подушка подъ головой вертится, какъ я начну о тебѣ думать.

— А ты, мама, не думай. И подушкѣ, и тебѣ будетъ спокойнѣе.

— Изъ гимназіи я должна была тебя взять...

— Я учился хорошо.

— Но тебя всѣ ненавидѣли... Ты на все и на всѣхъ фыркалъ. Ты всѣмъ сдѣлался несносенъ.

— Сапожничьи дѣти! Вѣдь,—хамы, мама!

— Да тебѣ какое дѣло, кто они?

— Вотъ именно, никакого до нихъ дѣла. Мы богаты, мои предки въ исторію Россіи вписали не мало... Ты сама мнѣ рассказывала! Арміями командовали, въ царской думѣ сидѣли.

— А что ты вступишь? Ты, вѣдь, не знаешь того, что если это преимущество твое, такъ и обязательство въ то же время.

— Ахъ, мама, мнѣ и въ гимназіи эти громкія слова надобли. Кто имъ вѣритъ?

— И посмотри, тебѣ докторъ велѣлъ, чтобы лѣтомъ, ночью окна были у тебя отворены. Ты забылъ?

— Не забылъ, но просыпаюсь отъ холода.

Опа, вздыхая, подошла и отворила окно. Свѣжесть и прохлада оттуда залили все здѣсь такими бодрящими, оживляющими волнами, что Куцый въ восторгъ гавкнулъ и завертѣлся по комнатѣ въ припадкѣ собачьей радости, старался поймать зубами обрубокъ хвоста и потому всѣми силами поворачивая его къ своей пасти.

II. Встрѣча.

Куцый весь въ пыли отъ коляски, ѣхавшей передъ нимъ, весело бѣжалъ по отличной дорогѣ, которая вела къ станціи. Песъ зналъ, что теперь на него никто не обращаетъ вниманія, и потому развлекался по-своему. Лаялъ на колеса, вертѣвшіеся передъ его носомъ, на сусликовъ, нырявшихъ въ норки по сторонамъ. Сразбѣгу хапалъ онъ пастью кузнечиковъ, не во-время перескакивавшихъ наперерѣзъ ему, со-слѣпу кидался на птицъ, мотая башкой, и вообще велъ себя, какъ самая послѣдняя деревенская собака, не получившая никакого воспитанія. Вдали показалась рощица, и въ ней—скучныя-скучныя правильныя постройки. Куцый сталъ скромнѣе. Онъ зналъ, что это желѣзнодорожная станція, гдѣ есть чужіе, и потому надо вести себя со-отвѣтственно.

Коляска подъѣхала къ крыльцу и остановилась. Саша выпелъ и хотя бы подумалъ о томъ, что надо помочь матери сойти...

Начальникъ станціи былъ на перронѣ. Увидѣвъ пріѣхавшихъ, онъ живо сорвалъ красную шапку и подбѣжалъ...

— Ваше превосходительство, встрѣчаете кого?

— Что поѣздъ не опоздаетъ?

— Самарскій?.. Нѣтъ. Во-время придетъ. Дозволяете мнѣ отлучиться. Сами изволите знать,—служба.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Мама, кому ты только руку не подаешь! Вѣдь, онъ еще недавно кондукторомъ былъ.

— Такъ что же? Чѣмъ онъ хуже насъ съ тобою? А ужъ полезнѣе—навѣрное.

— Мама, не сердись. Но вѣдь отъ нихъ и теперь житья нѣтъ. Такъ и суются вездѣ.

— Чѣмъ же они тебѣ помѣшали? Подумай самъ,—на что ты-то способенъ. Вотъ этотъ, напримѣръ, начальникъ станціи изъ простыхъ кондукторовъ выбился, семья у него, въ питку тянется, во всемъ себѣ отказываетъ, а дѣтямъ даетъ образованіе. Я была бы очень счастлива, если бы ты былъ похожъ на его старшаго сына—студента. Посмотри, въ восемнадцать лѣтъ онъ уже былъ на ногахъ, а съ пятнадцати самъ себя содержалъ. Теперь онъ пріѣхалъ взять двухъ братьевъ и объявилъ, что ему для нихъ ни копейки не надо. Вотъ именно изъ такихъ настоящихъ людей и выходятъ.

Поѣздъ выдвинулся изъ-за рощи и, какъ казалось на первыхъ порахъ, шелъ очень медленно. Точно черная, большая змѣя, тяжело дыша черными клубами дыма, ползла сюда. Куцый тоже обратилъ на нее благосклонное вниманіе и сначала выскочилъ, было, на рельсы и залаялъ туда, грозно оскаливая зубы, но когда змѣя эта вдругъ начала расти и надвигаться съ страшной быстротой, песъ вскочилъ на перронъ и спрятался за Сапу, недружелюбно ворча на чудовище...

— Куда ты, мама?.. Дядя, вѣрно, въ первомъ классѣ. А первый классъ тутъ.

— Нѣтъ. Онъ, навѣрное, въ третьемъ... Ты его не знаешь.

— Да вѣдь онъ богаче насъ.

— У него свои взгляды и вкусы. Вонъ, вонъ... Дѣйствительно... Мы здѣсь, здѣсь... Алексѣй Львовичъ...

Изъ вагона третьяго класса вышелъ корепастый, плечистый, сильный старикъ съ густыми, сѣдыми волосами на головѣ и такую же

низко лежавшей на выпуклой груди бородой. Онъ зорко оглядывался и, замѣтивъ шедшихъ къ нему, протянулъ обѣ руки.

— Здравствуй, Мери. Ты меня прости. Я весь въ грязи отъ этой чугунки... Ну, поцѣлуемся. Все такая же хорошенькая... Только отчего ты не полиѣешь? А это, вѣрно, Саша?

Саша, было, попытался.

Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить дядю такимъ. Старикъ былъ въ снѣй шелковой рубашкѣ и сѣромъ армякѣ.

— Не узналъ меня? Впрочемъ, гдѣ же! Когда я въ послѣдній разъ пріѣзжалъ, тебя еще нянька сморкала. Ну, а теперь самъ? А вотъ почему ты такой блѣдный и пухлый? Совсѣмъ на деревенскаго не похожъ. Хотя въ Питеръ тебя сейчасъ, какъ разъ подойдешь.. Возьми вонъ тамъ мой сакъ...

Саша, морщась, взялъ, но тотчасъ же опустилъ.

— Вы... Какъ васъ,—небрежно обратился онъ къ начальнику стап-ція...—Пожалуйста, эту вещь.

Сакъ былъ ковровый и старый... Онъ смущалъ Сашу.

Дядя зорко всмотрѣлся въ него.

— Что, тяжелый онъ? Въ немъ не больше двадцати пяти, тридцати фунтовъ. Ну, однако, и бѣлоручка ты... Нѣтъ, нѣтъ. Благодарю васъ,—остановилъ онъ красную шапку,—я самъ.

Мать Саши смѣшалась. Она знала, что сынъ ея вовсе не такъ слабъ, по его смутилъ, во-первыхъ, видъ дяди, больше похожаго на богатаго мужика, а во-вторыхъ, одна мысль, что его, Стоградъ-Стецкаго, могутъ увидѣть съ этою «вещью» въ рукахъ. Точно салопница, которая отъ одного помѣщика ѣздитъ къ другому, околачиваясь по чужимъ домамъ. Дядя еще нѣсколько разъ взглянулъ на него.

— Что онъ у тебя не боленъ?—спросилъ онъ его мать по-англійски.

Старикъ зналъ, что его племянникъ не учился этому языку.

— Нѣтъ... Онъ всегда такой,—довольно горько вырвалось у матери...

— Неспособный?

— Нѣтъ, напротивъ,—вспыхнула она...—Если бы мы были бѣдны, разумѣется, онъ такимъ бы не росъ.

— А ты ничего не дѣтала, не принимала мѣръ?